

30 ЛЕТ ВАРЯЖСКОЙ ДИСКУССИИ (1965 — 1995)

35 лет тому назад в Ленинграде развернулась «варяжская дискуссия», которая была событием, быть может, не столько в истории российской науки, сколько в истории русской культуры. Это был эпизод в трехвековом споре. Этот спор трижды за три века приводил к острым публичным состязаниям норманистов с антинорманистами, каждый раз во второй половине века. По напряжению, пожалуй, последняя схватка была самой острой.

Все участники спора прекрасно понимали, что речь шла о возможности заниматься наукой и даже вообще о свободе в буквальном смысле слова. Что побежденным не миновать разгона, а кое-кому — тюрем и лагерей. Вот если выстоять, то дело кончится... тем же, но несколько позже. Но свободу действий удалось отстоять еще на ряд лет. И не только для себя. В атмосфере свободы для занятий норманнским вопросом выросли многие из следующего поколения исследователей.

Некоторым кажется, что теперь-то дискуссии в старом ключе положен конец. Думается, что это лишь иллюзия. Стимулы для обострения спора всегда шли извне, из не-науки. Питательная почва для этого остается, пока на Востоке Европы сохраняются противоречия между реальной ситуацией и национальными амбициями. Эти противоречия порождают уязвленное национальное самолюбие, комплекс неполноценности и страсть к переделке истории. Чтобы история была не такой, какой она была, а такой, какой она должна была быть. Чтобы она питала новый национальный миф.

Однако, помимо эмоций и политических коннотаций, в этой дискуссии есть и чисто научные аспекты. И сегодня, к счастью, мы можем заняться именно ими.

Редакция.

Л.С.Клейн

НОРМАНИЗМ – АНТИНОРМАНИЗМ: КОНЕЦ ДИСКУССИИ

L.S.Klejn. Normanism — antinormanism: the end of the argument.

The argument of normanists versus antinormanists reached its peak three times during the last three centuries in Russia: in the XVIII cent. (the struggle of Miller against Lomonosov in the Academy of Sciences), in the XIX cent. (the public debates of Pogodin with Kostomarov at the Petersburg University) and in 1965, when my seminar was challenged for a public discussion in which our official opponent was I.P.Shaskol'skij but our true enemies were the Party ideologists of the historical Department. We succeeded in defending then our existence.

It was impossible then to defend Normanism openly and directly, and our way of defense was the definition: the concept of Normanism should be maximally narrowed — that everything we did could not be covered by this concept.

We dismembered the concept Normanism as it was pictured in Soviet historiography in 7 steps according to acceptance of consecutive positions:

- 1) The coming of Normans to the Ancient East-Slavic area.
- 2) Foundation of Kiev's dynasty by Normans.
- 3) Normanic origin of the name Rus'.
- 4) Influence of Normans on the East Slavic culture.
- 5) Normans as the creators of the First East-Slavic state.
- 6) Racial preference of Normans as the cause of their successes.
- 7) Political influences for the contemporary situation: Scandinavian geniuses are the proper bosses, Slaves must be subordinates.

Antinormanism led struggle for every of these steps: they issued from the notion that acceptance of only of these steps makes it easier to overcome the next. Gradually, however, they were forced to get off one after another. Even on the fifth step it was possible to state the leading participation of Normans without distorting Marxist Theory. We insisted then that merely resting on the 6th and 7th steps was unacceptable and should be considered as the expression of devil Normanism.

This was a trick. Such learning in the world historiography did not exist, and it doesn't. Normanism is a bugbear, scarecrow created by Antinormanism for substantiation of their necessity.

Варяжская дискуссия 1965 г. Трижды на протяжении трех последних столетий в России вспыхивал с особой силой спор норманистов с антинорманистами: в XVIII в. (борьба Миллера против Ломоносова в Академии Наук), в XIX в. (публичная дискуссия Погодина с Костомаровым в Петербургском университете) и в 1965, когда мой семинар в Ленинградском университете был вызван на публичную дискуссию.

В начале 60-х годов в Московском универ-

ситете студент-первокурсник истфака, сын известного археолога, написал курсовую работу о роли варягов на Руси. Он бесхитростно суммировал факты, честно и непредвзято, не желая придерживаться догм антинорманизма. Работа была оценена всерьез: студента немедленно исключили из Университета, и с этого начались его диссидентские мытарства – лагерь, психушка, изгнание из страны и смерть на чужбине. Это был Амальрик.

В те же годы в Ленинградском университете, ничего не зная о судьбе Амальрика, я, тогда уже не студент, а молодой преподаватель, только что окончивший аспирантуру, завершил рукопись книги «Спор о варягах». Рукопись осталась неизданной. Выводы были теми же, что у Амальрика, но факультет был несколько либеральнее, а я был опытнее. У меня за плечами было руководство в школьные годы подпольной организацией «Прометей», которую раскрыли лишь задним числом, и никто не был арестован, хоть и оказались, конечно, надолго под надзором КГБ. Было и рискованное, но успешное выступление против марризма, который тогда еще считался «железным инвентарем марксизма». Я понимал, на что поднимаю руку, и что сразу всё сказать не удастся. Что надо продвигаться постепенно.

На основе своей рукописи я стал читать спецкурс и организовал семинар, в котором этой тематикой занялось много способных студентов. Слухи о направленности наших работ обеспокоили парторганизацию факультета (секретарем тогда был И.В.Степанов), и решено было вызвать нас на дискуссию. Расчет был такой: либо я откровенно выскажу свои взгляды и буду разоблачен, так что можно будет со мной расправиться, либо я должен буду громогласно принять официальную трактовку – и оказаться лицемером и трусом в глазах моих студентов. В любом случае очаг крамолы будет ликвидирован.

Поводом для дискуссии была избрана только что вышедшая книга И.П.Шаскольского «Норманнская теория в современной буржуазной науке». На факультете было объявлено публичное обсуждение этой книги, и кафедре археологии настоятельно предложили в нем участвовать. Обсуждение состоялось 30 лет назад – 22 декабря 1965 г. при огромном стечении народа. Перед дискуссией я зашел к декану В.В.Мавродину и попросил оказать нам содействие, ведь это же и для факультета важно. «Нет, я не стану вам помогать, – взметнулся В.В., – они заручились санкциями обкома, и ваша песенка спета». Я сказал: «Вы меня не поняли, я не прошу Вас выступить в поддержку, а только поставить наши выступления, как нам удобнее: мое – вторым, как ответ на Шаскольского, Лебедева – сразу за мной, чтобы закрепить воздействие». «Это я могу», – отвечал декан. Перед самым обсуждением ко мне подошел И.П.Шаскольский и сказал: «Вы будете главным моим противником, но не я буду главным Вашим противником». Он спросил, какую тактику ему избрать, чтобы нанести нам наименьший ущерб. Я отвечал, что мы знаем нашего главного противника и хорошо подготовились.

Студенты были уверены в нашей победе: они уповали на неопровержимость археологических фактов – вот же скандинавские вещи, вот проценты погребений, вот карта с норманнскими комплексами в узловых точках. Я же говорил

им: а вам на это ответят, что вы неправильно интерпретируете факты. Не в фактах тогда лежал ключ к победе в споре, а в овладении методологическими высотами. Я построил свое выступление на анализе самого спора антинорманизма с норманизмом как историографической проблемы и показал, что в ходе истории эти течения не раз менялись местами на карте общественно-политических ориентаций. Даже только за советское время – то норманизм был в руках марксистов инструментом уничтожения феодальной верхушки (Покровский), то патриотическая пропаганда поднимала на щит антинорманизм. Я сделал упор на незамеченные нашими противниками перемены в зарубежной науке, где давно сменились ориентации и норманистами оказались просоветские настроенные исследователи, а антинорманистами – наоборот. Обеспечив методологическое прикрытие, можно было излагать факты, действительно весомые.

Результаты дискуссии известны. Мы отстояли свое существование. Через несколько лет вышел сборник под редакцией того же Шаскольского и в нем большая обзорная статья «Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения» (Клейн и др. 1970), в которой я вместе с двумя другими участниками семинара безо всяких экивоков суммировал факты, так недавно сломившие научную карьеру Амальрика. В ведущем советском историческом журнале «Вопросы истории» появилось высказывание, подписанное замредактора Кузьминым, о «современном научном норманизме»: «Для многих зарубежных, да и советских ученых это – добросовестное научное убеждение... Ленинградские археологи Л.С.Клейн, Г.С.Лебедев, В.А.Назаренко ни в коем случае не отходят от марксизма, признавая преобладание норманнов в господствующей прослойке на Руси» (Кузьмин 1971: 187). А когда из Московского университета поступил в министерство подписной донос видного профессора-антинорманиста о нашей антисоветской деятельности, созданная на факультете комиссия профессоров встала на нашу защиту. Работа семинара продолжалась, его участники впоследствии стали видными славистами – это Лебедев, Булкин, Назаренко, Дубов, Носов, Рябинин, Плоткин, Петренко, Кондратьева, Башенкин, Белецкий и др.

Вопрос о дефиниции. В той дискуссии мною был поднят важный теоретический вопрос. Нас хотели стигматизировать, заклеить. Мы, естественно, сопротивлялись, и способом защиты была ссылка на неопределенность самого понятия – а что это такое, норманизм? Понятие было привычно одиозным, и перевесить это мы не надеялись. Поэтому мы старались так сузить это понятие, чтобы оно на нас не налезало. И мы избегали определять, кто же такие антинорманисты. А сейчас, когда можно быть вполне откровенным, как мы должны оп-

ределить свою позицию — как норманистскую? Неонорманистскую? Прилично ли быть антинорманистом? Или лучше просто ненорманистом? Что есть норманизм?

Термины «норманизм», «антинорманизм» и все производные так поизносились да затрепались за двести с лишним лет спора, что превратились в старые истертые монеты, на которых уже не разобрать, что там было вначале написано, и чтобы теперь определить их истинное достоинство, их надо расчистить, взвесить и попробовать на зуб.

Долгое время у нас было принято вообще отрицать за норманской теорией научное значение. «Норманская теория никогда не имела научного значения», — утверждалось в «Истории СССР» издания 1947 г. (История СССР 1947: 74). В.В.Мавродин в 1949 г. аттестовал ее так: «Лживая тенденциозная квази-научная норманская теория» (Мавродин 1949: 20). В 1953 г. Д.А.Авдусин в статье «Неонорманистские измышления буржуазных историков» трактовал норманистскую работу видного археолога Т.Арне как «выпад против русского народа, не имеющий ничего общего с наукой» (Авдусин 1953: 114-120).

Но уже в том же году Б.А.Рыбаков выражается несколько осторожнее: «После того, как многие доводы норманистов были опровергнуты (только после того! — Л. К.), норманская теория осталась где-то на грани между консервативной ученостью и политическим памфлетом» (Рыбаков 1953: 27). В том же духе трактует вопрос В.П.Шушарин в 1964 г.: «...из гипотезы (была, значит, все-таки когда-то гипотеза, то есть научная концепция! — Л. К.) норманская теория превратилась в средство фальсификации истории» (Шушарин 1964: 236-237). И еще: «...современный норманизм — во всех его формах (sic! — Л. К.)... — полностью утратил характер научной гипотезы, превратившись в средство пропаганды идеи о неспособности восточно-славянских народов к самостоятельному научному творчеству» (Шушарин 1964: 238). Тут единственное проявление некоторого отхода от крайности — признание, что взгляды норманистов были когда-то в прошлом (Когда? При Ломоносове? При Костомарове? Чьи взгляды? Байера? Миллера? Шлецера? Куника?) научной гипотезой.

В своей книге 1965 г. И.П.Шаскольский признает, что так называемая норманская теория не является просто фальсификацией истории в политических целях, как это утверждалось прежде, а представляет собой течение в буржуазной науке. По сравнению с теми высказываниями формулировка И.П.Шаскольского (течение в рамках буржуазной науки) представляет собой большой прогресс. Автор делает оговорку: «Правда, с марксистской точки зрения эта теория дает неверное, ошибочное освещение рассматриваемых проблем, т.е. не является научной». Надо бы уточнить: что в этой теории (точнее, в том, что под ней обычно понимают) не является научным, а что, может быть, и допус-

тимо признать научным.

Лестница в преисподнюю норманизма.

Термином «норманизм» в разные эпохи покрывались разные понятия. Конечно, если бы норманская теория состояла из одного четкого положения, то дело было бы просто: кто его признает — норманист, кто против — не норманист. Но норманская теория — не простая конструкция. За долгие годы первоначально простая схема обросла множеством пристроек и надстроек. Наоборот, некоторые части первоначального здания отрезаны и удалены. Возникает вопрос: что из них — норманизм, а что само по себе — не норманизм и лишь используется норманизмом.

Если взять только самые основные положения норманской теории (как она представлялась антинорманистам — то есть то, против чего они воевали), то получим следующую цепь суждений и умозаключений:

1. Упомянутые летописью варяги — это скандинавские германцы, норманны.

2. Основателями княжеской династии Киевского государства явились варяжские вожди Рюрик и другие, призванные восточными славянами и их соседями, или, может быть, насильственно вторгшиеся.

3. Они привели с собой свое племя варягов, называемое Русью, и от них это название перешло на восточных славян.

4. Варяги оказали огромное влияние на всю славянскую культуру, что отразилось в вещах и в языке.

5. Варяги создали первое восточнославянское государство.

6. Причиной важной роли, которую норманны сыграли в Восточной Европе (как и везде), является их природное, т.е. расовое, превосходство над другими народами, в первую очередь над славянами, которые неспособны к самостоятельному творчеству.

7. Политический вывод для современности: опыт истории учит тому, что и впредь германцам суждено повелевать, а славянам — повиноваться.

Легко заметить, что чем дальше по цепочке, тем удаленнее от простой фактологии и ближе к политике, накал возрастает. Получается как бы лестница в преисподнюю норманизма. Сами по себе не все звенья в цепи имеют одиозное звучание. Однако в этой цепочке последующие звенья немислимы без предыдущих, ибо они из предыдущих выводятся. Но значит ли это, что предыдущие немислимы без последующих? Значит ли это, что и на них мы вправе перенести ту отвергающую неприязнь, которую справедливо вызывают к себе последующие?

Иными словами, верно ли, что всякий, кто сделал шаг-два по этой лестнице, неминуемо скатится вниз? Если верно, тогда то одиозное, что мы обозначаем термином «норманизм», начинается с самого верха, с самого первого шага. Но верно ли? Всякий ли, кто стоит на лю-

бой ступеньке этой лестницы — норманист?

Антинорманисты решали вопрос именно так, и схватки вспыхивали на каждой ступеньке лестницы. И можно заметить, что понятие норманизма сужалось: главный очаг борьбы спускался все ниже — от дальних подступов к основным вопросам. Антинорманизм отступал — это отмечает и И.П.Шаскольский: «С конца XIX в. полемическая деятельность антинорманистов стала ослабевать, а количество норманистских сочинений не уменьшилось, и в предреволюционное время создано впечатление, что в общем в русской историографии последних десятилетий последователи норманизма одержали верх» (Шаскольский 1965: 11-12). О том, что такое положение сохранилось и в первые послереволюционные десятилетия, причем как в эмигрантской литературе, так и в советской, свидетельствуют приводимые автором этой книги высказывания Ф.А.Брауна: «Дни варягоборчества, к счастью, прошли», и Ю.В.Готье — о том, что спор уже «решен в пользу норманнов» (Шаскольский 1965: 12).

И.П.Шаскольский исходил из количественного уменьшения антинорманистской литературы. Но для выводов об отступлении антинорманизма были не только количественные основания. Вдумаемся в предмет спора: как он изменялся?

Первые ступени. Антинорманисты давно полностью сдали первую позицию — ту, на которой бой шел первые сто с лишним лет: кем были варяги — норманнами (скандинавскими германцами) или нет? Кто только не выдвигался на роль варягов — от западных славян и литовцев (жмудинов) до иранцев и даже евреев. Все это выдвигали антинорманисты, те же, кто признавал норманскую принадлежность варягов — были норманисты. А все прочее считалось малосущественным.

Кто сейчас отрицает, что варяги — норманны? Странно и смешно подумать, но факт: с точки зрения всех антинорманистов прошлых двух веков, от Ломоносова до Костомарова, Геденова и Забелина, все советские историки — норманисты (за исключением разве что В.Б.Вилинбахова).

Борьба была перенесена на другие ступени. Долгое время острые споры шли по вопросам №2 и 3: об эпизоде прибытия (призвание, завоевание или поиски службы) и о термине «Русь» (северного он происхождения или южного). И снова противники норманизма жестко отмежевались: кто признает, что варяги нанялись на службу к славянам, тот наш, а кто признает призвание или (того хуже) завоевание — норманист! А кто считает термин Русь скандинавским, северным — и подавно норманист!

Но в последующие годы у советских исследователей стали закрадываться сомнения. Эпизод прибытия уже не толкуется в курсах лекций столь уничижительным для варягов

образом. Каким бы способом они ни проникли, но, оказавшись здесь с оружием в руках, далеко не всегда держались в рамках, приличных для служебного персонала — так или иначе, но почти все главные князья оказались варягами. Самые мощные доказательства южного происхождения термина Русь были марровскими, остальные — очень шаткие. А марровские рушились! Одни исследователи, пойдя на компромисс, признали, что термин имел двойственное происхождение — южное и северное (но какое странное совпадение — надо же! — с двух сторон сошлись и встретились два термина одного звучания и даже одного значения). Другие заколебались: то ли с севера пришло это слово, то ли с юга... А третьи стали склоняться на сторону северного происхождения: пусть грамматические перипетии путешествия термина с севера на юг не вполне ясны, но как бы там ни было, а все-таки финны до сих пор зовут русами (руосси) шведов, а славян — венетами (веняя), и антинорманисты никак объяснить этого не могут.

В 1949 г. В.В.Мавродин еще считал эти два вопроса (вторую и третью ступеньки) основными в споре, определяющими деление на норманистов и антинорманистов. В.П.Шушарин в своей книге 1964 года еще твердо стоит на старых позициях, хотя и не считает эти вопросы главными. А вот И.П.Шаскольский в своей книге 1965 года эти два положения уже не включил в *corpus delicti* норманизма! В его формулировку, определяющую, что такое норманизм, они уже не входят.

Но это только теоретически, декларативно. Практически же И.П.Шаскольский продолжал решительно воевать с теми, кто готов признать «призвание», «завоевание» или скандинавскую Русь, и зачислял их в норманисты. Он признавал, что, возможно, всё-таки термин «Русь» окажется северным, но сторонники этого мнения уже заранее зачислены в норманисты! Создавалось впечатление, что автором книги, как и многими другими историками до сих пор, движет в этом деле тайный страх перед теми ужасными последствиями, которые разразятся, если (не дай бог!) окажется, что термин «Русь» — северного происхождения. Т.е. если северного, ну тогда... Ну, тогда уже ничего не остается, как идти на поклон к шведскому королю, чтобы принял наши худые землишки под свою могучую державу!

Иными словами, молчаливо подразумевалось, что дальнейшая цепочка построена в норманистской теории (как ее представляли антинорманисты) правильно, прочно, и из этого звена уже с необходимостью вытекают все последующие.

В борьбе за термин «Русь» сказались и этот страх, и опасения за урон национального достоинства: зазорно носить чужое имя. А не зазорно ли носить русским людям личные имена

Петр и Георгий (греческие), Иван, Марья, Михаил (древнееврейские), Игорь и Ольга (варяжские)? Откуда приходят имена — дело случайное. Переселения и завоевания — тоже зависели от множества конкретных обстоятельств истории и происходили в разных направлениях. Привязывать судьбу спора к исходу установления таких конкретных событий — значит ставить решение важных вопросов истории в зависимость от выяснения случайных обстоятельств — и с весьма рискованным результатом!

Четвертая ступенька. В последние советские десятилетия основные бои пошли на четвертой ступеньке. Количество варягов, их вклад и влияние в русской культуре — вот главные вопросы спора, по которым определяли теперь, кто норманист, кто — нет. Признание «сколь угодно значительного воздействия» (Шаскольский 1965: 4-5) варягов в этом вопросе И.П.-Шаскольский уже и в формулировку ввел, определяющую принадлежность к норманизму: «Норманизмом, — писал он, — мы считаем все теории и концепции, приписывающие скандинавам-норманнам наиболее важную или решающую роль в коренных событиях истории нашей страны IX-XI вв.», как-то: «формирование классового общества, образование древнерусского государства, начало развития феодальных отношений, формирование русской народности и ее материальной и духовной культуры». И тут же И.П.Шаскольский добавляет сакраментальную фразу, очень четко выявляющую стиль исторического мышления постсталинской эпохи: «Норманизм — это преувеличение роли норманнов...» (Шаскольский 1965: 5).

Но если норманизм — это преувеличение, то какова же норма? Норма-то, ведь определяется фактами! А если факты недостаточно исследованы, то и норма не определена!

Все резкие заявления об отсутствии сколько-нибудь значительных варяжских элементов в наших курганах основаны прежде всего на статьях Д.А.Авдусина, которые сам же И.П.Шаскольский признает несолидными, необъективными. (Шаскольский 1965: 105) «...Становится очевидно, — пишет И. П. Шаскольский, — что обе стороны слишком увлеклись в своем споре. Арне и Арбман заметно преувеличивают роль норманнов в Гнездове, объявляя весь могильник в основном норманнским; но вряд ли прав и Авдусин, доказывая почти полное отсутствие в Гнездово погребений скандинавов» (Шаскольский 1965: 117)

У читателя складывается впечатление, что истинное количество норманнов в Гнездове, по мнению И.П.Шаскольского, — посередине между крайними определениями Арне и Авдусина.

Арне считал, что в Гнездове не менее 25 скандинавских комплексов.

Авдусин только 2 кургана признал скандинавскими.

Какова же «золотая середина» Шаскольско-

го? Пересчитав со всей строгостью (с достаточным пристрастием) все гнездовские комплексы, которые неизбежно придется «отдать» скандинавам, И.П.Шаскольский включил в это число не менее 12 (но менее 20) женских погребений и около 18 мужских, т.е. минимум ок. 30 комплексов! (Шаскольский 1965: 111, 120, 123). Остается выяснить, есть ли хоть какие-нибудь математические возможности признать цифру 30 средней между 2 и 25!

Правда, И.П.Шаскольский добавляет: все равно это — мизерная цифра по отношению к 700 раскопанным курганам Гнездовского могильника. Да, мизерная. А вот какова будет по отношению к достоверно славянским из этих 700? Громадное большинство-то ведь в Гнездове вовсе неопределимо!

Кстати, Арне в своем ответе Авдусину указал на это последнее обстоятельство и вообще, надо признать, с блеском разбил доводы Авдусина (Арне 1953). Это та самая статья Арне, которая осталась без ответа. Ни Д.А.Авдусин, ни другие советские археологи ничего не противопоставили ей. Вот печальный итог запальчивого спора с негодными средствами.

Впрочем, попытки противопоставления все-таки есть — я имею в виду выдвинутую Д.А.Авдусиным и принятую И.П.Шаскольским, как сказали бы юристы, «презумпцию» славянской принадлежности неопределенных курганов. Т.Арне был готов всякий курган, в котором найдена скандинавская вещь, объявить варяжским, а славянских не видел вообще — это, конечно, нельзя признать строго научным подходом. Д.А.Авдусин противопоставил этому другую крайность; по одной-двум славянским находкам он весь курган объявляет славянским, а достоверные скандинавские вещи объявляет славянскими — это столь же неубедительно, и И.П.Шаскольский это отвергает. Но Д.А.Авдусин пошел еще дальше. По его мнению, не только те курганы, в которых найден хотя бы малейший славянский элемент, но и все неопределенные курганы, в которых ничего вообще не найдено, надо зачислить в славянские, поскольку они найдены на славянской территории и не имеют опознавательных признаков иной принадлежности. Т.е. если не доказано, что курган иной, значит, он славянский. Но ведь с таких позиций любой беспаспортный незнакомец, задержанный на русской земле, должен быть признан русским.

И, как это ни странно, И.П.Шаскольский принимает этот принцип, считая его правильным. «Ведь никому же не придет в голову, — восклицает он, — приписывать аналогичные по обряду и инвентарю курганы в средней Швеции славянам — там они, конечно, шведские» (Шаскольский 1965: 124). Да, но только потому, что по письменным источникам хорошо известно, что в те века не было ни славянских походов в Швецию, ни, скажем, «пути из славян в гренландцы», тогда как варяжские походы прогремели по

всей Европе, а «путь из варяг в греки» пролегал по славянским землям. Не ясно ли, что, поскольку письменные источники знают о проживании на этих землях не одних лишь славян, этническую принадлежность курганов позволительно определять только по достоверным признакам: курган с безусловно скандинавскими признаками — варяжский, с безусловно славянскими — славянский, а без четких признаков — неизвестно чей и в расчет этнического состава населения приниматься не должен.

Вот это был бы объективный подход.

Все признают, что на данном этапе весь спор в целом перенесен в основном в сферу археологии. В этом согласны и норманисты, и их противники. Т.Арне пишет: «Без археологического материала было бы невозможно получить какие-нибудь заключения о жизни славян 7-8 вв., т.е. тех веков, которые непосредственно предшествуют выступлению варягов» (Арне 1953: 138 – 139). А.В.Арциховский считает: «с течением времени варяжский вопрос все более и более становится археологическим вопросом» (Artsikhovsky 1962: 1).

Воистину! Но из этого вытекают очень важные выводы. Сам же И.П.Шаскольский с сочувствием передает слова А.В.Арциховского, что «круг письменных источников по этой проблеме ограничен, и многие поколения историков бьются над интерпретацией одних и тех же памятников, напротив, археологический материал растет с каждым годом и дает все больше данных для решения многих проблем, которые ранее казались неразрешимыми, в том числе и для решения норманской проблемы» (Шаскольский 1965: 107). Считается, что за каждые 30 лет материал возрастает вдвое. Еще более существенно то, что тот материал, который накоплен и уже послужил для ответственных выводов, изучен чрезвычайно слабо — все археологи это знают. Так что его надо еще только исследовать по-настоящему, а на предварительные выводы, часто крайне поспешные, не очень то полагаться! Ближайшие годы могут принести самые неожиданные результаты.

Возьмем, например, созвездие могильников Ярославского Поволжья — единственное, полностью раскопанное, в большей (сохранившейся) части обработанное и полностью в этом виде опубликованное (Ярославское Поволжье 1963). Еще недавно одни объявляли все созвездие целиком норманским, другие с первого же взгляда — чисто славянским. А что оказалось на деле?

В самом большом и лучше всего изданном из всех трех могильников — Тимеревском, по строгим подсчетам автора публикации, 38% погребений оказалось финскими, 15% — славянскими и 4% — скандинавскими. И. П. Шаскольский приводит эти цифры, особо отмечая: «лишь 4%» (Шаскольский 1965: 158). Но ведь 43% погребений Тимеревского могильника ос-

тались без определения. А если пересчитать проценты по отношению к количеству *определенных* погребений, то цифры увеличатся соответственно: 67, 26 и 7. Но и это еще не отражает реального содержания варяжского элемента в этническом составе населения окрестностей Ярославля во время деятельности здесь варягов, так как при таком подсчете смешаны в кучу погребения всех веков — включая то время, когда варягов здесь уже вовсе не было. Если же пересчитать процентное соотношение по векам (таблицы, приложенные к публикации, позволяют это сделать очень легко), то получим, что для X века на 75% финнов и 12% славян приходится 13% скандинавов (14 погребений из 107). Значит, в это время каждый восьмой житель окрестностей Ярославля оказывался варягом, а славян было меньше, чем варягов. (Уже в конце X — начале XI вв. на 72,5% финнов и 24% славян приходится только 3,5% скандинавов, а позже начала XI в. варягов в могильнике нет).

Вот какие неожиданности нас еще ждут! А бывают и сюрпризы противоположного характера. Мечи вначале считались сплошь норманскими, потом их признали франкскими, и действительно на них большей частью оказываются подписи рейнских мастеров. Но вот А.Н.Кирпичников на одном мече обнаружил чисто славянскую подпись! (Кирпичников 1965). Значит, было, оказывается, и местное производство мечей, хотя и значительно меньшее по объему продукции.

Значит, опять: заранее утверждать возможность только одного решения крайне опасно.

Конечно, исследователь может держаться той или иной скороспелой гипотезы и с азартом ждать, как она оправдается при настоящей проверке материалом, и тогда подтвердят его или опровергнут факты — его личное торжество или посрамление. Но определять свою позицию как единственно марксистскую, а противоположную — как норманистскую, антимарксистскую, т.е. связывать с этим риском победу или поражение советской науки, ее методологии — мне представляется непозволительной авантюрой.

А между тем наши ученые не раз оказывались не в силах устоять перед искушением монополизировать за своей гипотезой исключительное право представлять марксизм. И давали подчас возможность нашим противникам злорадоваться. И все же это снова повторяется...

Каждое утверждение ученого, а тем более целой научной школы — это вексель, по которому рано или поздно придется платить, и, тот, кто не сумеет этого сделать в момент учета векселей, становится банкротом.

Банкротом оказался проф. Д.А.Авдусин.

Банкротами оказались Д.Б.Вилинбахов вкупе с В.В.Похлебкиным.

Но так как первый, по сути, объявлял свои

позиции единственно марксистскими (и тогда это не отрицалось в печати никем из советских ученых), а вторых обстоятельства их выступления поставили в такую позицию (полемика в иностранном журнале — Похлебкин и Вилинбахов 1960), то в глазах мировой научной общности это могло быть равносильно банкротству российской исторической науки в данном вопросе, и теперь предстоит здорово поработать, чтобы рассеять это впечатление. Зачем же снова выдавать векселя, которые не имеют за собой надежного материального обеспечения?

У экономистов вексель подобного рода называется «бронзовым».

Смелая гипотеза, высказанная без претензий, — это инструмент исследования.

Смелая гипотеза, объявленная единственной представительницей советской науки в данном вопросе, — это «бронзовый» вексель.

Три десятилетия назад я критиковал книгу Шаскольского, но метил не в него, а в тех, кто стоял за ним.

Книга И.П.Шаскольского, говорил я, в известном смысле — тоже «бронзовый» вексель. Правда, это вексель на меньшую сумму, чем векселя его предшественников, в значительной части он выдан другими исследователями и лишь акцептован (снабжен передаточной надписью) И.П.Шаскольским (и это, как известно, не освобождает от ответственности), и имеет за собой частичное обеспечение (но лишь частичное).

И.П.Шаскольский признает, что «даже с позиций буржуазной филологической науки вопрос о названиях днепровских порогов все еще требует значительно более основательного изучения» (Шаскольский 1965: 161). «Даже...» — означает, очевидно, что с марксистских позиций вопрос тем более не может считаться решенным. Но одно из альтернативных решений уже заранее осуждено как «преувеличение», а те, кому оно представляется более перспективным, уже заранее объявлены норманистами.

И.П.Шаскольский констатирует, что «советские археологи в последние годы не раз пытались выяснить происхождение погребений в срубках, но пока еще не нашли удовлетворительного решения, вопрос этот, безусловно, требует еще дальнейшего исследования» (Шаскольский 1965: 179). Но если «удовлетворительного решения» еще нет, значит, нельзя одно из двух возможных определений признать доказанным, а другое — ошибочным: оно вполне может оказаться правильным. И это признание сделано сразу же после того, как сторонники одной из этих трактовок уже зачислены в норманисты.

И.П.Шаскольский понимает: «следует согласиться с мнением ряда зарубежных археологов, что норманнская проблема как археологическая проблема требует значительно более основательного изучения» (Шаскольский 1965:

181). Но так как все, кто с защищаемым в его книге решением этой археологической проблемы не согласен, заклеены в этой книге как норманисты, то, признавая, что это решение зиждется на недостаточно основательном изучении и, следовательно, что «более основательное изучение» может привести в другому исходу, И.П.Шаскольский и сам попадает в норманисты!

Позволю себе сослаться на изречение библейского Соломона Мудрого — тем более, что он лицо объективное: не норманист и не антинорманист: «Сеть для человека необдуманно признавать святынею, а после обетов исследовать» (Притчи Соломона, гл. 20, ст. 25).

А у нас так: сначала признаем святыней, затем (не отступать же!) надаем страшных обетов: о борьбе с этими положениями как норманистскими, враждебными, антимарксистскими, и лишь потом приступаем к исследованию. Мудрено ли, что исследование движется с трудом, а итог его не всегда приносит радость, которую мы были бы вправе получить?

Пятая ступенька. Ну, а как быть со следующей ступенькой — с вопросом о том, кто создал Древнерусское государство?

Прежде всего, я считаю, несовременно. В нем подразумевается, что государство создают отдельные личности (Рюрик с братьями, Ромул и Рем, Попель и Пяст). Но ведь от такой постановки вопроса отказались не только марксисты. Вопреки ходячему мнению, серьезные норманисты тоже (и, видимо, не без влияния советской науки) приобрели в этом вопросе более широкие и более современные интересы.

Стало быть, современная постановка вопроса иная.

Эта современная постановка вопроса такая: Как и на какой основе возникало Древнерусское государство, кто участвовал в этом процессе и какую роль сыграл? В частности: какую роль сыграли варяги? Никакой? Или совсем незначительную? Или заметную, видную, главную?

Если мы так поставим вопрос, то тем самым направим решение в приемлемое для марксизма русло — и тогда станет ясно, что и в рамках марксистского решения всего вопроса решение частного вопроса о роли варягов может быть различным и что это зависит от многих конкретных обстоятельств: много ли пришло варягов, как они распределились по слоям населения и по территориям, в какой момент процесса классовообразования и государствообразования прибыли, какой социально-экономический багаж принесли с собой и т.п. Т.е. что это зависит от фактического материала, и то или иное решение марксистской теорией не предопределяется.

Марксистская теория обязывает исследователя определять экономические и классовые корни государства, искать их в экономике

и классовом составе общества, а были ли отдельные части и слои этого общества местными или пришлыми, одной народности или разных — марксистская теория принципиально не предусматривает. По-разному могло быть. В каждом случае это зависит от фактического конкретного положения в данной стране.

Но марксистская теория безусловно отвергает поиск корней государства в личных действиях и особенностях вождей — «основателей» (это волюнтаристический идеализм) или особых этнических групп населения — местных или пришлых (это биологический детерминизм, расизм). В этом марксизм не так уж отличался от ряда других теорий (социологизм, культурный материализм и др.).

Те фактические материалы, которые нужны для решения названных вопросов о роли варягов в сложении Древнерусского государства, должна дать главным образом археология. Конечно, не только археология: историкам предстоит еще уточнить многие понятия социально-экономического анализа раннефеодального общества и государства: классовая структура, дань как форма эксплуатации и многое другое. Но археологические источники будут главными.

И соответственно на эту ступеньку распространяется то, что сказано о предыдущем. Многие из необходимых исследований археологических памятников варяжского и предваряжского времени еще не проделаны, а то и не начаты.

Прежняя уверенность в том, что полное и окончательное решение по этой линии уже достигнуто (еще живущее в книгах и статьях наших историографов как рудимент) базировалось на трудах Б.Д. Грекова, а у того стройная и многоэтажная конструкция государствообразования на юге Восточной Европы была построена на поспешной и ненадежной субструкции — на концепции абсолютно автохтонного этногенеза восточных славян. Согласно этой концепции, многие памятники Восточной Европы, начиная с триполья, были объявлены славянскими и выстроены в длинную четырехтысячелетнюю непрерывную эволюционную цепь прогресса, включавшую скифов и поля погребения и увенчанную Киевской Русью.

С падением теории ак. Н.Я. Марра это построение распалось, а новое, более надежное и объективное, создается нашими археологами только сейчас, с большим трудом, в спорах и частых перестройках. Пока здесь нет ни постоянства, ни единодушия. Какие памятники — славянские, какие — нет, до VI в. н. э. — всё спорно. Более надежные определения начинаются на юге только за три века до Киевской Руси, а на севере — и того позже (Щукин 1976; Булкин и др. 1978: 61 — 100). Но, увлекшись более ранними периодами, наша наука на эти более доступные несколько веков как раз долго не обращала внимания и мало о них узнала. Просле-

живать такую длинную предысторию древнерусского государства, которая бы измерялась тысячелетиями, пока не на чем, и даже более короткую — трехвековую — чрезвычайно трудно.

Наиболее важный из уже сделанных вкладов — это капитальное исследование роменско-боршевских поселений И.И. Ляпушкиным, дающее объективное представление о высокой земледельческой культуре восточных славян до варягов и без варягов. Но это не может рассматриваться как полное отрицание роли варягов в других сферах. Утверждение, что в IX — X веках не появилось ничего принципиально нового по сравнению с предшествующим периодом, неосмотрительно: а города, новшества в ремеслах, новые торговые пути и пр.?

Очень важны археологические исследования антского общества VI — VII вв., но материалы опубликованы еще недостаточно и неполно, а старые построения Б.А. Рыбакова другим археологам с самого начала представлялись интересными, но поспешными и сугубо гипотетичными (антинорманистские историографы тотчас использовали их в борьбе против норманизма!).

Возможно, что многое потребует пересмотра. И, собственно, если полистать даже не самую современную книгу такого видного «не-норманиста», как В.В. Мавродин, да еще написанную во время войны (изд. в 1945), то роль варягов в построении древнерусского государства характеризуется там словами, которые иному ревнителю «ненорманного» положения покажутся норманистскими: норманны и «ускорили», и «оформили», и «объединили», и «направили внешнюю политику»... (Мавродин 1945: 210, 225, 385 — 386, 388 — 389 и др.). А чем же еще, собственно, может выражаться деятельность верхних классов по формированию государства, их участие в его создании? Много ли возможностей остается?

Пожалуй, не так далек от истины А.Стендер-Петерсен, когда говорит, что между норманистами и антинорманистами «провести точную, однозначную грань... теперь уже не так легко, как это было в старину» (Stender-Petersen 1953: 241). С ним можно было бы согласиться, если понимать термин «норманизм» в том расширительном толковании, в котором он у нас обычно применяется.

Последние ступеньки. Но резкая грань есть, и я с ним не согласен. Потому что я не могу согласиться с таким расширительным пониманием термина «норманизм»...

Этот пассаж характеризует мою позицию в дискуссии 1965 г. Я утверждал тогда, что не могут быть признаны ни марксистскими, ни вообще научными оба последних, «итоговых» (и главных) положения норманизма: о природном превосходстве норманнов над другими народами и о политических выводах для современности. Они не подтверждаются и не имеют никаких перспектив подтвердиться научными дока-

зательствами, объективным анализом материала, ибо противоречат всему ходу истории, всем общим законам развития человечества, многократно проверенным и подтвержденным. Они стоят вне науки.

Но их стараются подтвердить! Вот где стык науки с политикой — и зловредной политикой! Эти попытки сейчас уже не единственное идеологическое оружие реакции в данном вопросе, может быть, уже даже не главное, но они еще живут. И с ними надо бороться.

Не в вопросе о происхождении Древнерусского государства центр тяжести норманизма. Действительным врагам нашего народа и государства норманнская характеристика Древнерусского государства сама по себе не важна — им важна возможность сделать из этого выводы о непрочности современного нашего государства и творческой неспособности народа. Но для этого древние успехи варягов (действительные или мнимые) ничего не дают, кроме сладких воспоминаний (мало ли у какого народа не было в прошлом дальних походов и побед!). Необходим тезис о том, что древними успехами своими варяги обязаны своим северо-германским природным качествам, расовому превосходству — только на этом можно строить выводы о современных потенциалах.

Поэтому, продолжал я свою аргументацию, для действительно успешной борьбы против настоящего, злокачественного норманизма необходимо выяснение подлинных причин варяжских походов, их успешности во многих странах. Марксисты не могут сомневаться, что эти причины надо искать не в расовых особенностях, а в социально-экономической обстановке в Скандинавии и остальной Европе. Но эта чрезвычайно важная работа как раз пребывает в зародышевом состоянии: почти нет таких исследований в марксистской литературе, ибо настолько увлеклись схватками по более эффектным, на первый взгляд вопросам, что не до нее было.

И вот действительный ущерб делу борьбы с норманизмом.

Мой вывод был таков: норманизм — это утверждение природного превосходства норманнов (северных германцев) над другими народами и объяснение этим превосходством исторических достижений этого народа — как мнимых, так и действительных. Это разновидность биологического детерминизма в истории (расизма). Это не научное течение вообще (впрочем, такая оценка не означает, что само оно и его псевдонаучные доводы должны быть оставлены без научного анализа, разбора и научного опровержения, а не только политического разоблачения).

А что же все остальные положения, остальные ступеньки лестницы?

А это не норманизм.

Даже если они решают вопрос «в пользу норманнов», может быть, их можно называть

«норманнской гипотезой» — а такие гипотезы правомерны. Нельзя заранее, априорно закрыть возможности таких решений. «Журналист не должен торопиться порицать гипотезы, — писал в свое время М.В. Ломоносов. — Они... единственный путь, которым величайшие люди успели открыть истины самые важные». Не будем же «торопиться порицать» и «норманнскую гипотезу», хоть сам М.В. Ломоносов в данном случае и не следовал этому правилу.

А может быть, таким названием незачем эти положения торопиться окрестить. Может быть, правильнее считать, что это просто обычный фактологический анализ материала. Этот анализ могут, конечно, использовать норманисты, но *abusus non tollit usum* (злоупотребление не исключает употребления). Сами по себе эти положения злокачественными не являются и могут послужить фактологической базой для объективного выяснения подлинной исторической картины. Т.е. могут пригодиться для выявления исторических закономерностей, в чем и заключается ведь главная задача историка.

И даже в работах одного и того же исследователя, даже действительно реакционного, даже подлинного норманиста, надо различить норманизм и то, что норманизмом не является.

Если так поставить вопрос, то окажется, что норманистов не так уж и много в серьезной мировой науке, разве что Вернер Келлер (Keller 1960, 1961), да кто ж его берет в серьезный расчет, да и знает-то его кто. И не так страшен этот черт, как его размалевали наши историографы. С их точки зрения, куда ни глянь — всё враги, всё норманисты, всё фальсификаторы, все хриstopродавцы!

Странное дело, но по каждому вопросу истории в мировой науке всегда в наше время оказывается очень широкий диапазон взглядов — от них до нас, — очень большое разнообразие, много наших союзников и попутчиков, много средних позиций, постепенные переходы. Только по двум вопросам было такое поразительно единодушное отшатывание от нашей науки — по марровской теории (считанные единицы признавали) и по норманнской проблеме — как в биологии по лысенковской анти-генетике.

Что это означало в вопросах о Марровском учении и анти-генетике — мне незачем напоминать. А не перегнули ли мы палку и в нашем вопросе?

Случайно ли, что в дореволюционной и в ранней советской, как и во всей мировой науке в конце XIX и нач. XX вв. почти совсем прекратились антинорманистские сочинения и все ученые — многие серьезные, объективные и передовые — в той или иной мере занимали позиции норманизма (в его расширительном толковании)? Может быть, они все и во всем ошибались (что маловероятно), но не по реакционности!

А если провести пересчет по новому, пред-

лагаемому определению норманизма, то очень многие (как прежние, так и современные) «норманисты» окажутся вовсе не норманистами. Некоторые из них и сами это утверждают. Иной историк руками и ногами упирается — не хочет в норманизм: я друг ваш, я не норманист, я даже, может быть, вообще не буржуазный ученый! А мы отталкиваем: свят, свят, свят — норманист!

А может, и в самом деле не норманист?

Не теряем ли мы друзей и союзников там, где незачем их терять, как роняем престиж, когда могли бы его не ронять?

Я уж не говорю о том, что упрямое повторение старых антинорманистских догм и применение натяжек в полемике наносит нам куда больше ущерба, чем признание некоторых фактов, может быть, действительно имеющих неприятный оттенок (а что, татарское иго неприятно? Но ведь не отрицаем!).

Исходные соображения и стимулы таких уверток от неприятных фактов понятны, но не заслуживают оправдания. Напомню слова замечательного русского демократа В.Г.Белинского, которого никто не обвинит в отсутствии патриотизма:

«Бедна та народность, которая трепещет за свою самостоятельность при всяком соприкосновении с другою народностью... Наши самозванные патриоты не видят в простоте ума и сердца своего, что, беспрестанно боясь за русскую национальность, они тем самым жестоко оскорбляют ее... Естественное ли дело, чтобы русский народ... мог утратить свою национальную самостоятельность?... Да это нелепость нелепостей! Хуже этого ничего нельзя придумать!»

В мире идет напряженная борьба за умы мыслящих людей (а мыслящих становится все больше), и в этой борьбе побеждает не тот, кто займет наиболее гордую или может быть, лучше сказать, чванливую позицию, а тот, кто проявит наибольшую честность, объективность и смелость в признании правды, кто сумеет показать превосходство своего философского и научного метода в ее раскрытии, кто сумеет занять такую позицию, что железные факты всегда будут оставаться на его стороне.

Спор о варягах — это не только борьба с норманизмом. Это также борьба за честь, престиж и мировое влияние нашей исторической науки.

Конец дискуссии. Такова была позиция, занятая нами три десятилетия назад. Мы утверждали, что из всей «лестницы норманизма» лишь две последних ступеньки неприемлемы, лишь ступая на них, исследователь оказывается норманистом. Но таких очень мало, добавляли мы.

Теперь мы можем честно признать: таких в науке вообще не было и нет. Тогдашняя наша позиция была вынужденной. Это был всего лишь тактический прием, обусловленный привычной одиозностью термина и неизбежно-

стью идейной борьбы с Западом. Советская наука была нацелена на разоблачение противников на Западе, и их непременно надо было отыскать и обозначить. От них надо было дистанцироваться, иначе вы сами попадали «в объятия буржуазной науки». Норманизм был таким жупелом, и мы понимали, что придется сохранить это понятие в историографической системе. Мы старались лишь сжать его до предела, сделав по сути бессодержательным, поскольку реально под него не попадал никто. Тем самым мы стремились обеспечить свободу исследований.

Что ж, ликвидация советского режима привела к тому, что свобода исследований стала полной. Ныне вряд ли можно сомневаться, что норманизм был просто пугалом, созданным антинорманистами для подтверждения их неоходимости. Вот антинорманизм — это реальность. Но реальность, имеющая корни скорее в психологии и политике, чем в науке.

Что касается содержания двух последних пунктов искусственно сконструированной норманистской схемы, то я по-прежнему отвергаю расовую, генетическую неспособность русского народа к созданию и совершенствованию государственной организации. Исторический опыт показывает, что любой народ способен к неожиданным свершениям, и русский народ, вобравший в себя многие другие, показал немало таких свершений. В то же время теперь каждому очевидно, что на основе исторической традиции в нашем национальном характере выработались черты, заставляющие народ бросаться в крайности — от личной диктатуры к беспорядку и обратно. Мы по-прежнему выбираем не разумом, а эмоциями, не программу, а личность. Мы консолидируемся лишь перед лицом смертельной опасности. Слишком часто мы оказываемся жертвой дезорганизованности. Нам не хватает систематичности в работе, внутренней дисциплины и уважения к закону. Чтобы преодолевать эти особенности, нужно время и трезвое самосознание. А в этом не последнее место занимает осознание сути и роли антинорманизма.

И.П.Шаскольский в 80-е годы считал, что антинорманизм был течением дореволюционной российской науки и умер с ее отпрысками в эмиграции. Почему антинорманизм существовал только в российской науке, Шаскольский объяснить не может. Советскую войну против норманизма он не считает антинорманизмом (Шаскольский 1983). И напрасно. Никаких принципиальных отличий от дореволюционного антинорманизма марксистские объяснения корней государства не вносят. Ведь спор шел не о том, как, а о том, кто. Но мертв сейчас и советский антинорманизм.

Антинорманизм как научная концепция давно мертв. Антинорманизм как позиция будет возрождаться не однажды. История с нами, история в нас.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдусин Д.А. 1953. Неонорманистские измышления буржуазных историков. // Вопросы истории, 12, с.114-120.
- Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. 1978. Археологические памятники Древней Руси IX – XI веков. Ленинград, изд. Ленинградского университета.
- История СССР 1947 — История СССР, т.1, М., 1947.
- Кирпичников А. Н. 1965. Древнейший русский подписной меч. // СА, 3: 196 – 201.
- Клейн Л. С., Лебедев Г. С., Назарено В. А. 1970. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения. // Исторические связи Скандинавии и России. Л. Наука: 226 – 252.
- Кузьмин А. Г. 1971. Болгарский ученый о советской историографии начала Руси. // «Исторически преглед», София, кн. 3; // Вопросы Истории, 2: 186 – 188.
- Мавродин В. В. 1945. Образование Древнерусского государства. Ленинград, изд. Ленингр. университета.
- Мавродин В.В. 1949. Борьба с норманизмом в русской исторической науке. Ленинград.
- Похлебкин В. В., Вилинбахов В. Б. 1960. Несколько слов по поводу гипотезы проф. А. Стендер-Петерсена. Kuml: 132 – 134.
- Рыбаков Б.А. 1953. Древние русы.// СА, 17.
- Шаскольский И.П. 1965. Норманская теория в современной буржуазной науке. М – Л.
- Шаскольский И.П. 1983. Антинорманизм и его судьбы. // Генезис и развитие феодализма в России (Проблемы отечественной и всеобщей истории, вып. 7). Ленинград, изд. Ленингр. ун-та: 35 – 51.
- Шушарин В.П. 1964. Современная буржуазная историография Древней Руси. М.
- Щукин М. Б. 1976. Археологические данные о славянах II – IV веков. // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. М.
- Ярославское Поволжье 1963 — Ярославское Поволжье X – XI вв. По материалам Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников. М.
- Arne T. J. 1953. Die Warägerfrage und die sowjetrusische Forschung. – Acta Archaeologica, XXIII, 1952 (Copenhagen): 138 – 147.
- Artsikhovskiy A. 1962. Archaeological data on the Varangian question (VI International Congress of Prehistorical and Protohistorical Sciences. Reports and communications by archaeologists of the USSR). Moscow, 9 p.
- Keller W. 1960. Ost minus West = Null. München.
- Keller W. 1961. Are the Russians felt tall? London.
- Stender-Petersen A.1953. Varangica. Aarhus.